

Ветер налетает на тело, играет каштановыми локонами, будто вдыхая в них жизнь. Наблюдающий за сценой мужчина делает медленный выдох — сигаретный дым тут же тает в воздухе. Он бросает окурок на землю, медленно затаптывает, поднимает и кладет в карман брюк. Подойдя к девушке, пытается поправить ей волосы, но ветер снова разметывает пряди. Мужчина приближает объектив, наводит фокус на труп и нажимает кнопку. Через несколько секунд камера выплевывает снимок. В мерцающем свете фонаря ветер вздымает с земли сухие листья и опускает на колени девушки.

Мужчина отходит, садится в машину и исчезает в ночи.

Первый фрагмент

Жила-была женщина, которую пресса окрестила Гиеной. Четвертовательницей малюток. Дьяволицей. Шинковательницей детей. Людоедкой из Ромы¹. Расчленительницей ангелочков. Чудовищем.

Ее имя — Феліситас Санчес Агильон.

Мы с Хулианом называли ее матерью.

Она твоя бабушка.

Не знаю, зачем рассказываю тебе историю моей матери. Нашу историю. Никто не помнит ее от начала до конца, лишь урывками. Предательский мозг спорадически посылает нам порции ложных сигналов и неспособен воспроизвести всю сцену. Только фрагменты, которые мы вынуждены интерпретировать.

Однако я должен начать издали, в качестве зрителя из толпы, затерянного в нескольких рядах от подмостков, где мне выпало играть роль сына убийцы.

Мать появилась на свет в 1890 году на тогдашней асьенде Серро-Асуль² — идеальное название для колыбели сказочной принцессы, а не места рождения людоедки.

Обитателей поселения, расположенного в регионе Уастекапан, одинаково допекали мухи и жара, а дремотный образ жизни культивировался наравне с кукурузой и бобами. Работники асьенды, в большинстве своем потомки индейцев-уастеков, под

---

¹ Рома — район Мехико (здесь и далее — Прим. пер., если не указано иное).

² Асьенда — поместье, ферма в Латинской Америке. Серро-Асуль (исп. Cerro Azul — «синий холм») — административный центр одноименного муниципалитета в штате Веракрус; в 1983 году получил статус города.

гнетом завоевателей до такой степени погрузились в отупляющую атмосферу бедности и бездействия, что регион на севере штата Веракрус получил прозвище «Спящая красавица». Подобное совпадение не перестает меня удивлять: в одноименной сказке Перро впервые литературным персонажем становится людоедка.

У матери Фелиситас, моей бабушки, был какой-то врожденный порок, который по незнанию путали с типичной в ее роду заторможенностью. В пятнадцать лет она обладала умственным развитием семилетнего ребенка и мощно развитым телом, менструируя каждые двадцать восемь дней. В том же возрасте ее изнасиловал двоюродный брат, в результате чего родилась моя мать. Она росла в загоне для скота, куда их обеих заперли по приказу хозяина: противоестественное хрюканье и стоны моей бабушки резко выделялись на фоне пения певчих птиц, криканья уток и воя койотов.

Нет. Все было не так. Я строю догадки. Фантазирую.

Бабушка умерла через день после родов. Она рожала на корточках и вытолкнула ребенка на одеяло, покрывавшее земляной пол, а затем легла с новорожденной на грязный матрас да так и уснула, истекая кровью. Девочка росла никому не нужной, голышом, на том же запятнанном нечистотами матрасе; только моя прабабушка, просившая милостыню на пропитание, время от времени давала малышке бутылочку, не поднимая ее на руки...

Очередная выдумка.

Я пытаюсь сочинить неизвестное мне прошлое: обстоятельства рождения моей матери. У меня нет сведений о ее детстве, юности, большей части взрослой жизни. Лишь общие детали: крайняя бедность поселения, где она родилась; асьенда, расположенная на огромном нефтяном пласте. Хозяев лишили собственности при помощи старой как мир фразы: «Или продадите сами, или мы купим у вашей вдовы». Крестьянам пришлось стать рабочими нефтяных компаний. Они бурили скважины, строили железнодорожные пути, дома, дороги. Поселение перестало быть деревней, число жителей выросло.

Родня Фелиситас никогда не предполагала, что раскаленный солнцем, изолированный от мира ненасытной и буйной растительностью клочок земли, окруженный горами и плавящийся в жарком климате, где часы текли бесконечно, станет муниципалитетом.

Желание раскопать корни матери подстегнуло меня связаться с кем-нибудь из родственников. Я нашел в реестре запись о ее рождении, имена моих бабки с дедом. Но прошло так много времени, что я не смог никого разыскать. Мне не хватает сведений и воображения, чтобы проследить истоки аномалии.

Наука выделяет следующие предпосылки для формирования убийцы (словно речь идет об ингредиентах для рецепта): неблагополучное семейное окружение, жестокие родители-алкоголики, возможно, близкий родственник с психическим заболеванием. Серьезное физическое и психологическое насилие над ребенком. Бесчувственная, холодная, отстраненная мать. Отсутствие физического контакта или эмоциональной связи. Различные травмы: жестокое обращение, травля в школе. Наркотики, сексуальные расстройства. Добавим еще наследственность, хитросплетения генетики. Жаль, нет тревожного сигнала, который срабатывал бы всякий раз при появлении аномалии, чтобы можно было следить за ее развитием или мгновенно от нее избавиться. Возможно, моя бабка предчувствовала судьбу дочери и хотела спасти ее, окрестив счастливым именем¹.

Рост матери не превышал метра пятидесяти — почти карлица с широким туловищем, непропорциональными конечностями, выпученными глазами и мощной, как у аллигатора, нижней челюстью. Полагаю, в утренние часы, когда туман стелется над землей, несуразная фигура и маленький рост превращали мою мать в химеру, в людоедку, которой она еще не стала; хотя, возможно, была ею всегда.

---

¹ Felicitas (от *исп.* feliz) — счастливая.

В 1907 году, в разгар нефтяного бума, семнадцатилетняя Фелиситас уехала из Серро-Асуль в Халапе¹ и по рекомендации двоюродной сестры нашла место домашней прислуги в доме врача. Однако жену доктора пугали габариты, раздражительный нрав и необщительность служанки. Тогда хозяин устроил ее администратором в свою недавно открывшуюся клинику, где, помимо лечения недугов, занимались родовспоможением. Спустя некоторое время, освоившись со служебными обязанностями, Фелиситас заинтересовалась профессией медсестры. В один прекрасный день с позволения доктора она сменила свой необъятный балахон на медицинскую униформу, а сандалии на туфли, обнаружив в себе страсть к обуви. Фелиситас усердно осваивала новую профессию, не подозревая, что через двадцать лет та превратится для нее в прибыльное дело.

Прерву здесь эту... биографию и открою тайную причину, побудившую меня написать историю моей матери: желание оправдать перед тобой свои поступки. Я пишу ради искупления, очищения.

Спустя год после начала работы в клинике Фелиситас помогала принимать детей, а через два вернулась в свою деревню. Двадцать четыре месяца обучения сестринскому делу позволили ей завоевать авторитет среди односельчан, большинство из которых с трудом оканчивали начальную школу. Сама Фелиситас доучилась только до третьего класса.

Пока над страной бушевали ветры революции, в удаленном регионе с подачи Порфирио Диаса² активно развивалась нефтедобыча. Непрерывный поток добываемых ежедневно баррелей черного золота способствовал росту поселения. Приезжие, в основном американцы, некоторые с семьями, а также выходцы из других штатов, устраивались на работу в ком-

---

¹ Халапе — столица штата Веракрус.

² Хосе де ла Крус Порфирио Диас Мори (1830–1915) — мексиканский диктатор рубежа XIX–XX вв.

панию «Уастека петролеум». С увеличением числа жителей росло и количество родов, которые требовалось принимать: не только детей из новых семей, но и внебрачных отпрысков нефтяников по всей территории Фаха-де-Оро¹.

Я убежден, что история нашей жизни записана в наших телах языком, до сих пор нами не расшифрованным: в линиях ладоней, в рисунке отпечатков пальцев, в морщинах, родинках или пятнах на коже. На ум приходят годовые кольца, по которым можно проследить возраст дерева, чередование дождливых и засушливых сезонов. В жизни моей матери отдельные вехи тоже выделялись ярче других — в кино подобные моменты сопровождаются фоновой музыкой, звуковым эффектом, предупреждающим, что все вот-вот изменится. В ее жизни появился мужчина — Карлос Конде, мой отец.

* * *

Эдвард Доусон, акционер одной из нефтяных компаний, познакомился в Сан-Луис-Потоси с Карлосом Конде, рабочим, занятым на бурении. Мой отец из кожи вон лез, чтобы отличаться от остальных: носил не огромное сомбреро, как большинство мексиканцев, а шляпу поменьше; выучил начальный английский и подражал американцам в манере одеваться. Сын матери-одиночки, он с четырнадцати лет работал на шахте Ла-Консепсьон — до пожара, который привел к ее закрытию. В то время в регионе уже эксплуатировались нефтяные месторождения, и Конде устроился на буровую установку Доусона. Американец взял его с собой в Веракрус, где обосновался со своей женой Дороты.

В ноябре 1910 года, когда разразилась революция, Доусон поручил Конде найти акушерку для его жены. Роды начались раньше срока, и американский врач не смог прибыть вовремя из-за военных действий. Дороты Доусон отвергла предложен-

---

¹ Фаха-де-Оро (*исп.* Faja de Oro — «золотой пояс») — богатые нефтью районы в Мексике.

ную кандидатуру, заявив, что ни одна индианка к ней не приронется, но больше ничего сказать не успела: схватки участились, и у нее не было другого выбора, кроме как согласиться на услуги Фелиситас. Появившаяся в результате сложных родов девочка умерла через несколько дней.

По возвращении домой моя мать посмотрелась в зеркало в ванной и остро почувствовала себя индианкой. Ее это не обрадовало. Она нашла ножницы и отрезала длинную черную косу.

Однако вследствие неудачных родов на свет явилось нечто сильное и крепкое: болезненное любопытство Карлоса Конде к акушерке. Ему понравились ее сноровка и уверенность в обращении с женщиной, говорившей на чужом языке и презиравшей ее из-за происхождения.

Он стал навещать Фелиситас, поддавшись притяжению черной дыры, которую представляла собой моя мать, не подозревая, что ни материя, ни энергия, ни даже свет не могут из нее вырваться. Фелиситас, не избалованная мужским вниманием, не хотела приглашать его в комнату, где жила. Она надела выходные туфли, купленные в Халапе, и приняла ухаживания Конде, удивляясь, что кто-то проявляет к ней интерес. Не знаю, связывала ли моих родителей любовь или подобное чувство; несомненным фактом было их негласное партнерство в теновом бизнесе.

Черода событий, определивших судьбу родителей, началась с женщины, совсем молоденькой, отказавшейся оставить у себя новорожденную дочь — продукт изнасилования, совершенного одним из приезжих нефтяников. «Мне она не нужна. Продайте ее, найдите другую мать, другую семью, делайте с ней что хотите. Я заплачú». Дочка у смуглой индианки родилась светлой кожей, с голубыми глазами, как у большинства работавших в регионе американских инженеров. Карлос Конде предложил малышку Дороти Доусон, и та неожиданно ее купила. К первому звену в цепи присоединились десятки других. Поползли слухи, и к Фелиситас по разным причинам стали обращаться